

«Мало их, но ими расцветает жизнь всех... Это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли».

Так писал столетие назад Чернышевский, имея в виду людей рабметовского типа, революционеров — «народных заступников», которые в нравственном отношении служили образцом многим поколениям.

«М, честь и совесть нашей эпохи» — как хорошо переключается с одами Чернышевского эта гордая ленинская характеристика нашей партии! Их теперь очень много на земле — коммунистов, носителей революционной энергии времени, и потому все стремительней набирают силу наше отечество и наши братья по лагерю социализма, все оптимистичней и спокойней смотрят люди мира в будущее: война сейчас не является неизбежностью, народы мира могут и должны жить в дружбе и мире — так говорят коммунисты.

Не было ни одного периода в истории нашего государства, нет в нашей стране ни одной такой области работы, когда бы и где бы, в самый ответственный момент, на самом трудном участке коммунисты не проявляли лучших, прекраснейших человеческих черт — преданности делу революционного преобразования жизни, стойкости и самоотверженности, богатства души и чистоты помыслов, умения вдохновить и организовать массы.

Человек партии! — гордо заявил о себе Павел Власов. Он стал первым могучим художественным образом, открывшим миру нового героя. Человек партии! В нем, в этом герое, воплотились мечты человечества о людях — «двигателях двигателей», о людях, благодаря которым «расцветает жизнь всех». Советская литература много, очень много сделала для того, чтобы художественно полноценно воплотить характеры коммунистов. История образов коммунистов — это история трудного, но победоносного пути нашей страны «от боя к труду — от труда до атак» — и снова к труду, теперь уже создающему коммунизм. Эти образы — в памяти и сердце народа. На каждом историческом этапе они появлялись, вызванные требованиями жизни, и вдохновляли людей, поднимали их на подвиги, приобщая к прекрасному идеалу социалистического гуманизма. Недаром недоброжелателям нашим, в том числе ревизионистам «критикам» советской литературы, хотелось бы разубедить читателя в правдивости и жизненности этих образов. Пустая затея!

Советские писатели — защитники правды, по законам которой развивается и обновляется мир, — уже создали величественный и привлекательный, цельный и разносторонний образ человека партии. В мировой художественной летописи это обстоятельство отмечено как исторический новаторский подвиг нашей литературы.

Жизнь идет все вперед: она выдвигает перед нашим обществом новые задачи. Коммунисты в самой гуще народной, в авангарде масс берутся за их разрешение. В искусстве каждого исторического периода — при все многообразии его тем и типов — всегда есть ключевые образы, через которые наиболее глубоко, с наиболее существенных сторон раскрывается время. В наши дни образ коммуниста по-прежнему на передовой линии литературы. По-прежнему актуальной и сердечной близкой остается для советских писателей та задача, о прекрасном разрешении которой Шолоховым говорил недавно в Венесуэле Никита Сергеевич Хрущев: «...показать роль Коммунистической партии, подвизавшей народ на борьбу за построение новой жизни и воспитание нового человека».

Народ ждет от писателей — помощников партии — нынешнего Павла Власова, теперешнего Левансона, современного Давыдова, сегодняшнего Воробьева.

Соразмерная то, что осуществляется сегодня в жизни волей, разумом, энергией партии и народа, с тем, что делается, «отражается» в литературе, мы не можем не ощущать различия масштабов. Многие произведения последних лет достойны быть отнесенными к числу наших литературных достижений, и тем не менее читательская жажда по крупному, внутренне богатому, героически цельному и по-современному многогранному героическому образу еще не удовлетворена. Мешает почас недостаточность мастерства, а главное — недостаточность знания характера коммуниста-современника.

Каким хочется видеть этот образ? Выступающая в станице Венесуэлы, Н. С. Хрущев сказала: «Для советской литературы важно не только запечатлеть дела и подвиги людей, но и показать идеальные истоки героизма, рождающегося в борьбе за победу коммунизма».

Идейность, всепроникающая органическая партийность — вот что делает коммунистов людьми особого склада, людьми высшей человечности, сопереживающими ко всему, ответственным за Россию, за народ и за все на свете». Силой убежден-

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 125 (4091)

Суббота, 10 октября 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Знаменосцы эпохи

ной мысли, авангардностью героизма привлекают к себе сердца коммунисты. У Павленко, писателя, всю творческую жизнь отдавшего воплощению образа человека партии, есть прекрасные слова: «...организовать человека — это значит передать ему все, что сам знаешь и сам умеешь, сделать его распространителем своего опыта, это значит — для него учиться и для него же и вместе с ним расти, ибо революция ничего не дает за выслугу лет, революция дает за рост, в ней не выслаживаются — в ней растут».

Эпопея целинных земель, восстановление и развитие норм ленинской демократии, организация нового, невиданного дерзкого взлета промышленной, сельскохозяйственной, научной мощи страны, неутомимый труд по сохранению мира — такая еще партия могла бы совершить все это, какие еще люди, кроме коммунистов, подняли бы на свои плечи колоссальность подобных свершений! Вот это ощущение исторического величия переживаемого нами времени не возникает, когда читаешь иные сегодняшние книги, персонажи которых выступают коммунисты. Если художник всегда будет иметь в центре внимания великие идейные мотивы деятельности коммунистов, он никогда не позволит себе измалычить своих героев.

Советская литература выработала плодотворную традицию раскрывать героико-но в какой-то астрагированной, «чистой» форме, а в самой «буче, боевой, кипучей» наших повседневных будней. Эта традиция жужжала как в борьбе против натуралистической «принужденности» героических характеров, так и в борьбе против «приторного эдема» и «конфетной красоты» в их изображении. Эта традиция сызла глубокой правдой жизни, правдой изображения коммунистов, которых, говоря словами того же Павленко, присут «сталат гореть большим огнем на самой маленькой работе».

О самом заветном человеке говорит наиболее сдержанно, и тогда цена каждому слову возрастает во много раз. «Прост, как правда», — сказал горьковский рабочий о вожде партии — Ленине. Прочитайте заявления о приеме в партию, — как она проста, «буднично» коротка! Но сколько душевной страсти, энтузиазма, самоотверженности за настоящей партийной простотой! Разве не это сочетание обыкновенности и героизма, разве не этот бунтарский героизм привлекает в прерывающихся образах коммунистов из «Пошлой целины», разве чудно что-либо истинно человеческое сердцу Мартынова из «Рабочих будней» В. Овечкина или М. Стрельмаха «Кровь людская — но людская»? И разве не чудесно сплавлены в характере девушки Саилы из повести А. Каххара «Птичка-невеличка» вот эта наивность молодости и страстное желание коммуниста достойно выполнить партийное поручение? Коммунист — это человек, «как все», и в то же время «человек для всех», для людей, самый отзывчивый, самый ответственный, самый убежденный. Образы коммунистов бесконечно разнообразны (в литературе, как и в жизни), но эти два качества — идейная убежденность и человеческая простота, отсутствие «высренности» — организмы для настоящего человека партии.

Разнообразие искусство, своеобразны писательские манеры... Пусть же в страстном, злободневном очерке, в широком полете романа, в патетике поэмы, в задушевности лирики, в любом стиле и жанре искусства, во всем богатстве души предстают перед читателем образы коммунистов — знаменосцев нашей эпохи.

Идея, всепроникающая органическая партийность — вот что делает коммунистов людьми особого склада, людьми высшей человечности, сопереживающими ко всему, ответственным за Россию, за народ и за все на свете». Силой убежден-

СТИХИ ПОЭТОВ СЕВЕРНОГО КAVKAZA

Кайсын КУЛИЕВ

Сабит о стороне степной
Мне песню пел, бывало:
Она трезвонит старинной
В устах его дышала.
Казалось сердцу: сто путей
Идут к нему! Оттуда,
И был мне внятн смит плетей
И плавный ход вербега.
В той песне долгие века
Жила, не умирая,
Тоска простого бедняка,
Печаль степного края.
Я пел Сабит песни гор;
Он слышал в этих песнях
Орлов немолчный разговор
На гребнях скал отвесных.
Седых потоков буйный бег

Алим КЕШОКОВ

Ветер свистит. На вершинах, звеня,
Бросает арканы белые,
Как будто он приручает коня.
А горы молчат, присмирелые.
Грохот деревьев, шумит их лес,
И споря с гремизами Терекон,
Снег идет и туман плывет.
А горы молчат над берегом.
В низине поля зеленеют весной,

НАВСТРЕЧУ
ПЛЕНУМУ ЦК КПСС

ЭТОЙ весной в одном из колхозов
привнеской равнины я встретил
знакомого механика, и он ска-
зал мне: чтобы стать хорошим предсе-
дателем колхоза, надо быть гением.
— Ну, конечно, от него требуются
немалые хозяйственные способности...
— Нет, гениальность, — упорно
стоял на своем мой собеседник.

И, конечно, знал всю сложность и
разносторонность председателской
деятельности в колхозе, но весь глубокий
смысл слов механика понял лишь
спустя несколько месяцев. Это произо-
шло уже летом, когда в ожидании пе-
репыры через реку Лугу я зашел в
расположенный близ берега магазин,
чтобы посмотреть, чем торгует на селе
наша кооперация. Там под одной кры-
шей оказалось два магазина — промто-
варный и продуктовый.

Положа руку на сердце, скажу, что
промтоварный магазин на берегу Луги
был неплохим сельским «гумом», а
продуктовый по своему ассортименту
удовлетворял местных жителей.

И вот, когда я наблюдал, как прода-
вец отмеривал тяжелый драп, как он
потом показывал покупателю новые
ручные часы, мне пришла мысль: а
что если бы продавец (он же и завмаг)
ездил в Ригу за сукном, в Ленинград
за часами, а куда-нибудь в Вологду за
кружевами? Или, к примеру, его сосед
по продуктовому магазину закупал бы
в Мурманске селедку, а на Украине
сахар? И я сам себе ответил: вряд ли
тогда оба магазина работали бы боль-
ше чем один день в неделю, да и
ассортимент их, наверное, был бы весьма
ограничен. Ведь недаром сельский
магазин обслуживает целая торговая
система потребительской кооперации —
сельпо, райпотребсоюз, облпотребсоюз.

Все же эта странная мысль не дава-
ла мне покоя. Не давала потому, что
возникла не случайно. Разве по этому
весьма странному принципу не работ-
ает другая наша кооперация? Я думал
о колхозе, и тогда я понял всю глубину
слов, сказанных мне знакомым механи-
ком: хороший председатель должен
быть гением!

Еще несколько лет назад колхоз-
миллионер был довольно редким явле-
нием в Ленинградской области. Сейчас
его более редким явлением стал колхоз-
немиллионер.

НЫНЕШНИЕ колхозы очень отли-
чаются от тех, что были в нача-
ле пятидесятых годов. Они соб-
ственники огромной техники. Они
торгуют с государством, и на рынке.
Для них важны не только вы-
сокие урожаи на полях и высокие
урожаи на фермах, но и во сколько обхо-
дится каждый пуд картофеля и каждый
литр молока. Рублем колхоз оценивает
свою работу, рублем он оплачивает
труд колхозника, и тот же рубль опре-
деляет темпы его развития.

Колхоз конца пятидесятых годов — не
только высокоурожайное многоотрасле-
вое хозяйство, но и такое хозяйство,
которое требует современного техниче-
ского вооружения и знания рынка, хо-
рошо организованного снабжения мате-
риалами, частями и строительными ма-
териалами, химикатами и удобрениями.
Но всему этому его деятельность
требует смелости и в то же время остро-
востности, прозорливости, а сказал бы,
даже ловкости.

У нас есть сильные и слабые колхозы,
выделяющиеся и заурядные. Но у
нас еще нет хозяйственной колхозной
системы, которая направляла бы все
внимание руководителей колхозов на
землю, на урожай, на дешевый хлеб,
дешевое мясо и взяла бы на себя ряд
хозяйственных, торговых и финансовых
функций, которые, например, в систе-
ме потребкооперации выполняет рай-
потребсоюз и облпотребсоюз, а в сов-
хозной системе — тресты и управле-
ния.

Но позволить, возражат мне, о какой
системе идет речь? А где районная
сельскохозяйственная инспекция? Разве
она не руководит колхозами, не по-
могает им? А где областное управление
сельского хозяйства? Ведь если взять
количество людей, работающих в ин-
спекциях, да прибавить еще штатные
должности областных управлений, то
на каждый колхоз приходится, пожалуй,
не меньше двух работников. И добро
бы еще каждый работник нес какую-то
определенную, не учрежденческую, а

Вчера в Мальчине открылось выездное заседание бюро правления Союза писателей РСФСР. В работе бюро участвуют представители всех союзорядских писательских организаций, а также Л. Соболев, А. Софронов, С. Михалков, В. Друзин, С. Юрковский, В. Кочетов, С. Липкин, С. Воронин, В. Зубов, Я. Козловский, В. Деметраев, П. Кузнецов, В. Ибрагимов, А. Ернзев и другие. С докладом о горских литературных выступлениях Расау Гамбулатов, с докладом — Напиева. Отчет о заседании будет опубликован в ближайших номерах газеты.

Рашид РАШИДОВ

Восеннее порою.
Бывает так, что русла рек
Не сходят меж собою;
Свой путь у каждой, свой язык,
Дороги разны тоже,
Но друг на друга воды их,
Как две сестры, похожи.
Они выходят на простор,
Сливаясь воедино,
В них ширь степей и дальних гор
Суровые вершины.
Чудесным песням нет конца!
Течут они, как реки,
Народов братские сердца
Соединив навеки.

Перевел с балларского
Семен ВИЛЕНСКИЙ
и Яков СЕРГИН

Молчание

Бегут ручейки шумливые,
И кличут туры над крутизной.
А горы стоят молчаливые.
Ворочая камни, шумит водопад,
Лед колется: был он и нет его,
Грохочет гром, а горы молчат.
Молчат, они выше этого.

Перевел с набардинского
Наум ГРЕБНЕВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ПУТИ

М. ЖЕСТЕВ

хозяйственную функ-
цию, как, например,
несет ее бригадир или
сам председатель кол-
хоза... Но их деятель-
ность построена таким
образом, что все они учувствуют, прове-
ряют и учат колхоз, как лучше работ-
ать, хотя знают суть дела знают хуже,
чем те, кого они учат.

ЖИЗНЬ работника наших район-
ных сельских органов никогда
не казалась мне легкой. Кто
отвечал за опоздание с сеном и за
потери на уборке? Кто бродил упо-
мянутым по отстоящим колхозам
и высматривал допоздна на колхозных
собраниях? И все-таки, когда я ду-
маю о нем, он представляется мне
преимущественно собирающим свод-
ки, больше говорящим, чем делав-
щим. И при всем том, что на него иной
раз действительно обрушивались все
районные грозы и молнии, он произво-
дил впечатление человека, с которого
много спрашивается, но который все-
таки ни за что не отвечает. Печально,
но факт, он мало изменился, став
работником сельхозинспекции. По-
прежнему его часто «склоняют» в ре-
шениях и постановлениях районных
организаций и по-прежнему он работает
старыми, а сказал бы, райовскими ме-
тодами.

Иван Петрович? Ну как дела? От-
стаешь дорогой. У тебя же еще не по-
крыто шестидесятый нетелей. Что, невер-
но? Но передо мной сводка. Ну, хорошо,
посмотрим, что покажут отчеты. А как
с овецохранилищем? У меня есть сведе-
ния, что ты прекратил строительство.
Так вот, даю два дня. Не будет сви-
гов, — вызываю на исполком. Так как,
договорились? Прощу, очень прошу.

Этот разговор сельхозинспектора с
председателем колхоза я записал почти
дословно. Подобных типичных сценоч-
ных воспоминаний уйму. От них дей-
ствительно веет чем-то райовским. Но
ведь времена-то не райовские. Это хо-
лодно понимают сами работники ин-
спекции, и в частности, начальник Лужской
инспекции, старый опытный агроном
Александр Федорович Иванов. В чем
заключалась сила прежнего райзо? О
его распорядке была сеть колхозных
агрономов и зоотехников, отдел мог
воздействовать на жизнь колхоза и
непосредственно, и через МТС. И если
тогда отдел нередко работал на холо-
сты оборотах, то чего же требовать от
сельхозинспекции? Она не имеет под
руками МТС. Ей не подчинены колхоз-
ные специалисты. Опыт, знания? Но
ведь, в конечном счете, и опыт, и зна-
ния там, где практика, а она — в кол-
хозе. И получается: сельхозинспекция
опирается лишь на авторитет районных
организаций, ей остается право только
поругать или похвалить председателя
колхоза. А велика ли польза? Так об-
зревается деятельность сельхозин-
спекции с колокольни самой инспекции. Ну,
а как она выглядит с точки зрения кол-
хозной практики?

ЕСТЬ в том же Лужском районе
колхоз «Ленинский путь». Пред-
седатель этого колхоза — Алек-
сандр Александрович Михайлов, эконо-
мист по образованию, преподаватель
сельскохозяйственного института, че-
ловек большой культуры. Несколько
лет назад он принял колхоз в весьма
плачевном состоянии, поднял его, и
будучи председателем, написал боль-
шую теоретическую работу, связанную
с основными вопросами экономики на-
ших колхозов.

Мы говорили с ним о работе кол-
хозов, о помощи со стороны районной
инспекции и областного сельхозуправ-
ления.
— Честно говоря, если сегодня за-
кроют эти два учреждения, то у нас в
колхозе этого не почувствуют. Я не хо-
чу сказать, что там люди не работают.
Работают. Но как-то мимо колхоза.
Той помощи, которая нам нужна, от
них мы не получаем. Вы знаете, сколько
уходит времени у председателя кол-
хоза на добычу денег? Пятьдесят про-
центов! Чувствую я здесь помощь той
же инспекции? Нет! Или возьмите об-
ласть снабжения. Чтобы добыть нуж-
ные материалы, уходит немногим мень-
ше времени. Вот сегодня с раннего ут-
ра я уехал в соседний Гатчинский рай-
он и только сейчас, близко к полудню,
вернулся. Зачем я ездил? Выяснить нам
прос о трансформаторе, который нам

Курям, заснувшим еще до заката.
Снятся, наверное, росы до зерна.
В таз, из которого пили цыплята,
Вся целиком угодила луна.
Буйвол, набивший желудок неплохо,
На пол со вздохом ложится в хлеву,
И рокотание сытого вздоха
Около хлева пугает сову.
Каждый листочек в саду серебрится,
Падая, скрывается звезда за хребтом.
Так в эту ночь алушчанину спится,
Словно им за день был выстроен дом.
Звезды как будто начичены мелом.
Полночь, а ты позабыла про сон:
Крадучись, вышла в платке своем белом
На озаренный лунно балкон.
Слышишь ты листья таинственный шорох.

Каждый в стороне раздвигавший звук.
И на земле, и в небесных просторах
Ка удивительно тихо вокруг
В мире бескрайнем, едином и целом
Слиты навеки облака и хребты.
Перси, что зелен, но кажется спелым,
Свет этот лунный, деревья и ты.
Люди, наверно, придумали бога,
Чтобы найти я сравнение мог:
— Не удивляйся. Постою тут немного.
Дай на тебе взглянуть, мой бог.

Перевел с даргинского
Я. КОЗЛОВСКИЙ.

Ночью

Каждый в стороне раздвигавший звук.
И на земле, и в небесных просторах
Ка удивительно тихо вокруг
В мире бескрайнем, едином и целом
Слиты навеки облака и хребты.
Перси, что зелен, но кажется спелым,
Свет этот лунный, деревья и ты.
Люди, наверно, придумали бога,
Чтобы найти я сравнение мог:
— Не удивляйся. Постою тут немного.
Дай на тебе взглянуть, мой бог.

Перевел с даргинского
Я. КОЗЛОВСКИЙ.

Ночью

Каждый в стороне раздвигавший звук.
И на земле, и в небесных просторах
Ка удивительно тихо вокруг
В мире бескрайнем, едином и целом
Слиты навеки облака и хребты.
Перси, что зелен, но кажется спелым,
Свет этот лунный, деревья и ты.
Люди, наверно, придумали бога,
Чтобы найти я сравнение мог:
— Не удивляйся. Постою тут немного.
Дай на тебе взглянуть, мой бог.

Перевел с даргинского
Я. КОЗЛОВСКИЙ.

Ночью

Каждый в стороне раздвигавший звук.
И на земле, и в небесных просторах
Ка удивительно тихо вокруг
В мире бескрайнем, едином и целом
Слиты навеки облака и хребты.
Перси, что зелен, но кажется спелым,
Свет этот лунный, деревья и ты.
Люди, наверно, придумали бога,
Чтобы найти я сравнение мог:
— Не удивляйся. Постою тут немного.
Дай на тебе взглянуть, мой бог.

Перевел с даргинского
Я. КОЗЛОВСКИЙ.

Ночью

Каждый в стороне раздвигавший звук.
И на земле, и в небесных просторах
Ка удивительно тихо вокруг
В мире бескрайнем, едином и целом
Слиты навеки облака и хребты.
Перси, что зелен, но кажется спелым,
Свет этот лунный, деревья и ты.
Люди, наверно, придумали бога,
Чтобы найти я сравнение мог:
— Не удивляйся. Постою тут немного.
Дай на тебе взглянуть, мой бог.

Перевел с даргинского
Я. КОЗЛОВСКИЙ.

Ночью

Каждый в стороне раздвигавший звук.
И на земле, и в небесных просторах
Ка удивительно тихо вокруг
В мире бескрайнем, едином и целом
Слиты навеки облака и хребты.
Перси, что зелен, но кажется спелым,
Свет этот лунный, деревья и ты.
Люди, наверно, придумали бога,
Чтобы найти я сравнение мог:
— Не удивляйся. Постою тут немного.
Дай на тебе взглянуть, мой бог.

Перевел с даргинского
Я. КОЗЛОВСКИЙ.

Ночью

Каждый в стороне раздвигавший звук.
И на земле, и в небесных просторах
Ка удивительно тихо вокруг
В мире бескрайнем, едином и целом
Слиты навеки облака и хребты.
Перси, что зелен, но кажется спелым,
Свет этот лунный, деревья и ты.
Люди, наверно, придумали бога,
Чтобы найти я сравнение мог:
— Не удивляйся. Постою тут немного.
Дай на тебе взглянуть, мой бог.

Перевел с даргинского
Я. КОЗЛОВСКИЙ.

Ночью

Каждый в стороне раздвигавший звук.
И на земле, и в небесных просторах
Ка удивительно тихо вокруг
В мире бескрайнем, едином и целом
Слиты навеки облака и хребты.
Перси, что зелен, но кажется спелым,
Свет этот лунный, деревья и ты.
Люди, наверно, придумали бога,
Чтобы найти я сравнение мог:
— Не удивляйся. Постою тут немного.
Дай на тебе взглянуть, мой бог.

Перевел с даргинского
Я. КОЗЛОВСКИЙ.

Ночью

Каждый в стороне раздвигавший звук.
И на земле, и в небесных просторах
Ка удивительно тихо вокруг
В мире бескрайнем, едином и целом
Слиты навеки облака и хребты.
Перси, что зелен, но кажется спелым,
Свет этот лунный, деревья и ты.
Люди, наверно, придумали бога,
Чтобы найти я сравнение мог:
— Не удивляйся. Постою тут немного.
Дай на тебе взглянуть, мой бог.

Перевел с даргинского
Я. КОЗЛОВСКИЙ.

Ночью

Каждый в стороне раздвигавший звук.
И на земле, и в небесных просторах
Ка удивительно тихо вокруг
В мире бескрайнем, едином и целом
Слиты навеки облака и хребты.
Перси, что зелен, но кажется спелым,
Свет этот лунный, деревья и ты.
Люди, наверно, придумали бога,
Чтобы найти я сравнение мог:
— Не удивляйся. Постою тут немного.
Дай на тебе взглянуть, мой бог.

Перевел с даргинского
Я. КОЗЛОВСКИЙ.

Ночью

Каждый в стороне раздвигавший звук.
И на земле, и в небесных просторах
Ка удивительно тихо вокруг
В мире бескрайнем, едином и целом
Слиты навеки облака и хребты.
Перси, что зелен, но кажется спелым,
Свет этот лунный, деревья и ты.
Люди, наверно, придумали бога,
Чтобы найти я сравнение мог:
— Не удивляйся. Постою тут немного.
Дай на тебе взглянуть, мой бог.

Перевел с даргинского
Я. КОЗЛОВСКИЙ.

Герой Советского Союза Э. Кренель и коротковолновый В. Ломанович слушают радиосигналы советской автоматической межпланетной станции. Фото А. Сухомлинова

ПРИВЕТСТВУЮТ ОКЕАНОГРАФЫ

Радость, восхищение, гордость. Эти слова характеризуют чувства, испытываемые сейчас учеными — участниками экспедиции, моряками экспедиционного судна «Михаил Ломоносов». Весть о запуске третьей космической ракеты застала нас в тропиках, в районе Антильских островов. Совсем недавно, в день отплытия из Нью-Йорка, мы слышали известия о послынии второй ракеты на Луну.

Начальник экспедиции, доктор физико-математических наук профессор Нолленсон говорит: «Запуск третьей усовершенствованной ракеты — новое доказательство превосходства советской науки. Достижения советской астрономии, несомненно, помогут таким различным отраслям знания, в том числе и исследованию галактического мира. Успехи советских ученых — создателей ракет, вдохновляют, обязывают нас работать не покладая рук, ради торжества социалистической мировой науки. Капитан судна Шолтис восторженно заявляет: «Поразительной я был бы счастлив сейчас познать руки творцам космической ракеты. Спасибо вам, дорогие товарищи! — Как интересна наша жизнь! — говорит доктор геологических наук профессор Кленова. — Скоро мы улетим тайную скрытой стороны Луны. Придет день, когда человек сможет исследовать недр других планет, как свои земные».

Н. ВОЛОТНИКОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»
Борт «Михаила Ломоносова». (По радиотелеграфу).

Да здравствует дух Ташкента!

ТАКОВ был лейтмотив выступления на вечер, посвященный первой годовщине со дня съезда Ташкентской конференции.

Прошел год. Это было время дальнейшей консолидации сил прогрессивного человечества в борьбе за мир, в борьбе против колониализма, за прогресс и счастье народов. И радостно то, что писатели стран Азии и Африки были в первых рядах борцов. В течение этого года, говорил секретарь правления Союза писателей СССР Берды Кербабая, открывший этот вечер в Центральном Доме литераторов, по пригласению Союза писателей СССР в нашей стране побывало много гостей из Индии, Китая, Вьетнама, Кореи, Монголии, Индонезии, Ирака, Цейлона, Израиля, Камеруна, Кипра.

Семена дружбы, посеянные в дни нашей встречи в Ташкенте, дали богатейшие всходы: они разрослись в пышные сады дружбы писателей двух континентов, — сказал Мануэль Крус (Филиппины).

Борис Полевой рассказал о своей встрече с участницей Стокгольмской сессии, посвященной десятилетнему движению в защиту мира, впрочем, из Сан-Франциско. Он говорил, что прозвонящие люди Калифорнии сложили песни в честь этой легендарной в их представлении встречи писателей Азии и Африки. Она спела тогда несколько этих песен, в которых таинственная встреча названа «спутником дружбы», и голос этого «спутника», его «бин-бин» доносится до всех честных людей мира.

Позднее, встретившись с Полевым Робсон, Б. Полевой пересказал ему эту историю о народных песнях, и Робсон воскликнул: «Народ этот — великий романтик!»
— Ветер Ташкента веет ныне не только над Африкой и Азией, но над всем миром. Этот ветер сопутствовал и Хрущеву в США в дни его миссии мира, — говорит Маджмут Диоп из Сенегала.

Признательность
германской
общественности

Вчера в Берлине состоялась сердечная встреча Георга Яндера, председателя правления Общества германско-советской дружбы с первым секретарем правления Союза писателей СССР Константином Фединим. После дружеской беседы Г. Яндер вручил К. Федину почетный золотой значок общества за его заслуги в укреплении дружбы между обоими народами.

В субботнем номере:
★ М. Жестев. Размышления в пути.
★ «Литературная газета» на целине.
★ И. Волк. Сорт — «Тараненко-Алтай»;
★ В. Дягилев. Трутни.
★ В. Некрасов. Почему это не сделано?
★ Р. Иольский. Через узенькую калитку.
★ К. Кулиев, А. Кешоков, Р. Рашидов, Ф. Искандер. Новые стихи.
★ Неделя искусства.
★ Г. Владимов. Роман и его ценители.
★ О. Прудков. Выборы в Англии.
★ Джон Стейнбек. Когда-то была война...

Мы были когда-то таврические, а теперь алтайские... И Василий Яковлевич поднимает, точно зная, кукурузный стебель, оканчивающийся сверху ярко-желтыми початками.

«Мы» — это сам Тараненко и его питомца, вот эта самая королева полей с лихим рыжим чубом на макушке. Они приехали сюда сорок пять лет назад.

Как самое дорогое, все переселенцы с полведра кукурузных початков. Поселился Василий Тараненко с женой и двумя малолетками в Кудундинской степи.

Построил домик, такой же, как на Украине: из глины и соломы, побеленный. А на огороде высеял Василий половину кукурузных семян. Остальные бережно завернул в тряпицу и принес домой. Удивилась жена:

— Для чего бережешь? — Земли эдакой еще не знаю, — ответил Василий, — морозы, говорят, тут долгие люют. А вдруг вымерзнет эта первая? Тогда что?

Прав оказался новосел: налетела черная буря, скрутила, сломала посевы. Выжило, выросло на семена очень немного. Осенью отобрал Василий самые крупные семена, посеял отдельно, решил каждый год высевать самые крепкие, чтобы получилась колдобица из тавричанки алтайца.

С каждым годом все крепче становились стебли тавричанки-алтайки. Под суровым небом в Кудундинской степи вырвали кукурузные початки. И по-прежнему, как на Украине, добавляла Евдокия Тараненко для слободы кукурузную муку в оладьи и расщипанные белоснежные хлеба. Зерна были по-прежнему молодыми, а старик старился, соседней близости не было, дети разлетелись в разные стороны, и слава об удивительной кукурузе так и не разнеслась по степи.

С целины все началось, — говорит Василий Яковлевич, — как поставили здесь в ковылях совхоз «Алтай», как начали здесь кукурузу выводить, так и заинтересовался я полями. Смотрю год другой — не та кукуруза, какая нужна нам. Для скота, конечно, хороша: стебель сочный, початок свежий. А зерно где? Как же без зерна?..

Пришел к директору, представился, пригласил на свой огород. Приехал тот и ахнул: — Кукуруза? На семена? Где ты ее взял, дед? — Сам вырастил, — ответил Василий Яковлевич. — Хочешь, и тебе помогу?..

И вот из бедного маленького огорода перекочевала этой весной тавричанка-алтайка на опытное совхозное поле. Стоит она, высокая, мощная, и издавна видна блестящая дощечка, на которой написано: «Кукуруза сорт — Тараненко-Алтай». Площадь 25,5 гектара. Ответственный селекционер Тараненко В. П., тракторист Чадов А. Е..

Детские издания на Украине

В КИЕВЕ создан республиканский журнал для детей дошкольного возраста «Малышок» (Малыш) — орган Центрального Комитета Комсомола Украины. Кроме переводов советских писателей, в «Малышке» будут печататься лучшие произведения украинской и других братских литератур.

Для детей школьного возраста на Украине сейчас издаются журналы «Варяжок» и «Пионерка». Книжки сотен названий для юных читателей выпускает ежегодно Украинское издательство детской литературы, Харьковское, Львовское и другие областные издательства.

ТАК, значит, до Кузнецка? — проведник еще раз осмотрел билет и упрятал его в карман большого брезентового кошелька. Мой спутник — мужчина баскетбольного роста с глазами, в которых не прочь ни мысли, ни чувства, спросил, едва проводник вышел из купе: — В командировку? Созвучную, Ужасная дыра этот Кузнецк. Грязь, пыль, тоска. Я там жил с подполдья в эвакуации... Единственная достопримечательность — сапожники. Могут сделать приличные штиблеты.

Не люблю так: купил город, в тридцать минут тебя приютивший. — слышно. Но заступится за Кузнецк, за маленький город Пензенской области, я не мог, — мне еще только предстояло знакомство с ним. Теперь же, когда оно состоялось, очень хочется посоветовать тем, кто судит о наших городах, основываясь на впечатлениях двадцатилетней давности, лучше помолчать, — можно крепко оскандалиться, и тогда уже ссылки на давность не помогут.

Город, некогда славившийся кузнецкими да кустарными сапожниками, ютившийся в кривых переулках — на Лагушевке, Нагишовке, Отравазовке, этот город стал играть заметную роль не только в экономике области, но и в республике. Отсюда в разные концы страны идут десятки новейших образцов машин. Марку кузнецких заводов хорошо знают и за рубежами Родины.

ЧЕЛОВЕК, создающий новое, вправе гордиться тем, что уже им сделано. Это не бесцельное любование, свойственное людям тщеславным и ограниченным, а взгляд назад лишь для того, чтобы вернее идти вперед. И, видимо, поэтому секретарь

— Хороших ребят дали, — уважительно говорит Тараненко, — душой болюет. Чуть у кого свободная минутка выдается — сюда бежит: как, мол, она, наша зубастенькая? Подсчитывает Василий Яковлевич: «Вырастим с каждого гектара по пятьдесят центнеров початков на семью. А на будущий год сто центнеров засеет. И так постепенно разведем для всего Алтайа ее на зерно».

Эти самые слова и сказал на краевом совещании передовиков в прошлом году Тараненко, когда вышел первый раз в жизни на трибуну. Раскрасил сильные руки с заплатами в них початками и крикнул в зал: — Вот такую будем растить! Чтоб в пироги добавлять!

И кто-то из зала крикнул, глядя на широкоплечего высокого человека с окладистой бородой: — А сколько тебе лет, дед? — Немного, — усмехнулся Тараненко, — всего восемьдесят шестой пошел. Еще поживем, сынок!

...К простому труженику пришла большая слава. Ученые уже знают новый сорт кукурузы «Тараненко-Алтай», и в старом доминке появились на стенах грамоты за долготелую опытно-селекционную работу.

Ирина ВОЛК КУЛУНДА. Совхоз «Алтай».

В. Я. Тараненко

Т Р У Д Н И

СТРАДА! Чуть засветит небо — люди выходят на поля. Работают не покладая рук до поздней. Едят и спят на поле. И даже ночью не умолкают гуд комбайнов и тракторов.

Посмотрите на руки этих людей — они тверды и грубы, они обветрены и обожжены солнцем. Посмотрите в глаза — они воспалены от недосыпания, от пыли, в них упрямый блеск, какой я видел у солдат в минуты затишья перед новой атакой.

Люди напрягают силы, как на фронте, ведут бой за урожай. Задача ясна: убрать все, что родила земля, не дать пропасть ни одному колоску, ни одному зерну. Люди понимают: хлеб — богатство Родины, ее золотой фонд.

Понимают это и работают от души, вдвоеном, изо всех сил. Работают мужчины и женщины, старики и подростки. Поджимают сроки. Вот-вот пойдут дожди и поспеет уборка, пропадет добро.

Людей не хватает. Руководители совхозов и колхозов просят: дайте людей! Обороты и тракторы требуют: нужны люди!

Людей, людей, людей! А в то же время рядом, в поселках, на станциях, в больших и малых городах живут трутни. Они живут за счет тех, кто трудится, у кого грубые руки, обветренные лица и воспаленные глаза. Они смотрят на работяг без угрызения совести, с легкой усмешкой: «Дескать, работа дураков любит...»

Трутни бывают всякие: это и спекулянты, и дармоеды, и тунеядцы, и великообразные маменькины сынки и дочки, и сектанты, и барствующие жены. У них разные степени паразитизма, но одно общее, объединяющее их всех, — они же занимают общественно полезным трудом.

В то страдное время, когда народ трудится, они живут своей тараньей жизнью, думают только о себе, о своем лицеваренке... В городе Барнауле, 50, проживает Плотников, Александр Дмитриевич, 1940 года рождения. Нигде не работает. Там же, на улице Победы, 19, обитают три брата Ганины — Дмитрий, Василий,

Юлий. Вся троица бьет баклуши. Там же, по улице Песчаной, 55, проживает Кашин Валерий Викторович, 1939 года рождения. Нигде не работает. В городе Байске, в Тверском переулке, 19, проживает Виноградов Павел Петрович, 1907 года рождения. Здоровый мужчина, нигде не работает.

Примеры можно было бы продолжать. Их много. Трутни есть не только в Барнауле, но и в Рубцовске, но и в Калуге, в Харькове, в Москве, в Ленинграде. Их тысячи. Наверное, десятки тысяч.

Они ведут паразитический образ жизни: некоторые из них спекулируют, сдают квартиры, торгуют лавровым листом, фруктами и совершают прочие, мягко говоря, неблагоприятные поступки.

В Байске, например, по Выржевому переулку, проживает Корчагина Антонина Ивановна. Она приобретает через своего мужа — агента по снабжению — дефицитные товары и продает их втридорога.

Там же, на улице Нагорной, 4, проживает Борисова Фекла Емельяновна. Она вместе со своими дочерями — Исавейкой Зинаидой Илларионовной и Горлановой Татьяной Илларионовной — занимается тем, что перепродают срубцы, получая от этих «деяний» немалый барыш.

А сколько великообразных маменькиных сынков и дочек сидят за «широкими спицами» родителей, ухитряясь всеми правдами и неправдами обходить существующее положение, по которому люди, ведущие паразитический образ жизни, могут быть выслены из пределов города.

Сколько женщин, здоровых, сильных, не имеющих детей, не занимающихся домашним хозяйством, находят на жилищном рынке, ведут праздный образ жизни?

Возникает естественный вопрос: почему же с ними не ведут борьбы общественные силы? Куда смотрит милиция? В том-то и дело, что милиция знает их, борется с ними, но все ее усилия тщетны. Я беседовал с руководителями работников милиции това-

рщцами Ключевым Н. И. (Барнауль) и Орчинниковым А. Н. (Байск). Они в один голос заявляют: трудно, почти невозможно действительно бороться с трутнями, не на что опереться, нет соответствующей статьи закона.

Трутни вызывают в отделение милиции, предупреждают об устройстве на работу. А трутни плюют на предупреждение. И ничего с ними не сделаешь. Вышеупомянутый Кашин дошел до того, что начал уклоняться от воинской повинности.

Есть и такие трутни, которые стараются обойти милицию, избегают предупреждений, словечки. По существующему у нас положению человек, имеющий в паспорте ловчичку, не может и об увольнении, может три месяца не работать, так сказать, устроившись на новую службу. Что и говорить, права гуманные. Только трутни и эти права используют по-своему, дурно исполняют.

Вот Иблонский Олег Леонидович, 1926 года рождения, проживающий в городе Барнауле, по улице Сизова, 26, квартира 4. Он устраивается на работу лишь затем, чтобы получить соответствующую отметку в паспорте. Устроится и не работает.

Вот другой трутень — Вишняцкий Юрий Борисович, 1928 года рождения. Он тоже ловчичку устроится, и отбывает, а на работу не ходит. Видно, настала необходимость пересмотреть положение о сроке «поисков работы», сократить его хотя бы до одного месяца.

В нашей стране давным-давно ликвидирована безработица. Колхозы, совхозы, новостройки, заводы просят: дайте людей! Приглашают на работу. Или, пожалуй, почему нужно раздумывать три месяца? Почему это нельзя решить в течение одного месяца? Кто-то заявляет: «Хочу перед послужением на новую работу «отдохнуть». Вот и отбывает три месяца, а трутень хайте один месяц, трутень, кто работает, имеют возможность сидеть три месяца? Чем вызвана такая несправедливость? Зачем мы даем привилегии неработающим?

В нашей Конституции записано: «Труд в СССР является обязанностью...» — это и есть ленинская политика партии!

С первого часа провозглашения Советской власти партия назвала наше государство «государством трудящихся». Труд — это критерий оценки человека. Именно люди труда пользуются у нас наибольшей популярностью и авторитетом. Они — депутаты Верховного Совета, им ставят памятники, о них слагают стихи и песни. Идет перестройка школы. В основе перестройки — трудовое воспитание.

Такова политика нашей партии, нашего государства, нашего народа. Так как же с этим уживаются трутни? Уживаются потому, что мы все еще терпимо относимся к трутням.

Лавчичку же заменил свое отношение. Не будем больше терпеть трутней, не станем кормить их. Это в наших силах. Трутни живут рядом с нами. Они известны. Ни милиция, ни профсоюз, никто иной не знает о них столько, сколько знаем мы — знакомые и соседи. И стоит нам всем дружно, гневно, непримиримо сказать: нет, — трутень некуда будет деться! Если к тому же наше гневное отношение будет подкреплено соответствующим ясным законодательством, — трутня не сдюжит... Труда сделал человека человеком. Труд миллионов рук делает страну великой, богатой, передовой. Виду комбайн — плывущий по золотому морю пшеницы. Пшеница шумит она выше рта человека, в ней нет сорняков и пустоцвета. Так пусть же и среди нашего трудового, золотого народа не будет сорняков.

Сделаем все, чтобы скорее пробыл последний час последнего трутня! БАРНАУЛ

— Мы отняли у рабочего клуб... Он здесь не хозяин. Он не может запросто прийти в клуб, чтобы отдохнуть в беседе с товарищем, принять участие в каком-то большом разговоре. Все наши усилия направлены на то, чтобы обеспечить зарплату штатным сотрудникам, приобрести топливо и иметь фонд на ремонт помещений.

У рабочего отняли клуб... Что это — оговорка? Нет, Мясников не оговорился, он честно признался в том, что боится даже наедине с собой произнести многие руководители здешних профсоюзных организаций. У рабочего действительно отняли клубный очаг, превратив его в подобие коммерческого предприятия. Вывеска осталась прежней, благозвучной, а существо вызывает протест. Даже за вход в парк и за лекции в народном университете надо платить. Почему? Тот же Мясников на этот вопрос ответил с поразительным глубоким смыслом:

— А чтобы ограничить контингент... Пусто бесплатно — народу навалило столько, что хоть миллион вызывать. И вот из-за такой, с позволения сказать, «логичной» город находится на полуголодном духовном паице. Лисичных в Кузнецке — раз, два и обчелся, но именно от них зависит тонус культурной жизни города. И, странное дело, в горком партии, в горисполкоме, в отделении Общества по распространению политических и научных знаний, вся интеллигенция города, лобом партийный, профсоюзный или комсомольский активист — все считают такое положение ненормальным, сетуют, возмущаются, разводят руками и... только. Секретарь горкома Виктор Иванович Ерузов и председатель горисполкома Владимир Иванович Малышев — люди молодые, энергичные — смотрят на таких, как Лисичных, с неуважением, не признают за ними непонятно каким образом дарованные им высокие и почетные права, однако смирились с этим.

Встает вопрос: что же делать — терпеть неведая или искать какой-то другой выход? Конечно, несмотря на то что — от них отказались. А всем же их дело, что вы, товарищи Ерузов и Малышев, вряд ли надо подкашивать. Впрочем...

Многие города могут позавидовать тому, какая интеллигенция в Кузнецке. Но большая часть ее живет в бытность, созданную тем, что происходит. А еще хуже — примирилась с дем

ловку бригадирством. А сейчас — он начальник, мать у него в подчинении, да смеет еще на часы ему показывать. Значит, не мать, а мачеха. Бескомые ты, товарищ, спокойно посмотри на бригадира, если он три дня на глаза не показывается, если свое право бригадира использует на шабашке — взял подряд и дом строит. Сейчас до него никому дела нет, а завтра его за это снимать будут, судить...

В первые минуты могло показаться, что депутат Барнаула озабочена только судьбой сына. Что же, и в этом не было бы греха. Она мать, и ей больно от того, что родной ей человек в самом начале своего жизненного пути начинает спотыкаться, усваивает дурные нравы. Но боль за сына сплелась с заботой об артельном хозяйстве. Как полза колхоза, хозяйств. Как полза колхоза, хозяйств. Как полза колхоза, хозяйств.

А тут еще расказ прокурора о замечательном дьяре из колхоза «Память Ильича», занявшем первое место в районе. Видимо, мысленно сравнивала Барнаула путь этого человека к трудовой славе с тем, как начал свою жизнь сын, и не могла она примириться с этим.

Но говорила она не только о сыне. В старых колхозных домах, откуда по разным причинам ушли бывшие их владельцы, — кто уехал навсегда, кто из армии не вернулся — больше в колхоз, кто умер, позависли неизвестные никому новые хозяева. Премещают они сюда весной, асплут, засветят участок, соберут урожай да еще и продадут его тому же колхозу.

— Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников.

— Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников.

— Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников.

— Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников.

— Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников.

— Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников.

— Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников.

— Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников.

— Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников.

— Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников.

— Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников.

— Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников.

— Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников.

— Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников.

— Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников. — Почему это не сделано? — спрашивает Мясников.

— Зачем они нам на нашей земле? Где это они узнали, что можно так жить, — заговорила Барнаула. — Сама только один и выдает эти люди — свой сотку, свой барыш. Председатель сельсовета приподнял и сказал, что это злит его — немало таких назекных во многих деревнях.

— Так, значит, этому и конца не будет? — резко ответила Александра Федорова. — Опершись обеими руками на спинку стула, Барнаула смотрела в зал. Вдруг мелькнула платочки — шелковые, цветастые стиливые. Они явно брали верх над кепками. И, глядя на женщин, опять вернулась она к своим материнским заботам.

— А Шурку снимите... Беспременно снимите... Берись ты за бригаду, Федорова, — обидно крикнул кто-то.

— Ты и Шурку советовай, берись, — негодующе ответила Барнаула. — А подсобил ли? Со всех сторон посыпались: берись да берись, Федорова, пойдут у тебя дела.

— Дело в буквое одной — дописал «а» на конце, — пояснил кто-то весело. — Александр числится, а Александра по правде, Берись.

— Подумаю, — чуть слышно сказала Барнаула. — Если надумую, — и еще тише добавила, — то дадите мне его, Шурку, в бригаду.

И она развела узел на косянке, словно освободилась от тяжести давно мешавшей ей скакать glavno.

А ЛАЗЕБНИКОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты» Село АБЛАЗИНО Вальдгейтской области

И писатель ПРЕДЛАГАЕТ

И стою над Бабьим Яром и невольно думаю о других местах, где так же, как здесь, оружи фашистов бесновито погубили людей. Лидиче, Орадур-сюр-Глан, Освенцим, Майданек, Дахау, Саксенгаузен, Равенсбрюк, Бухенвальд... Я был в прошлом году в Бухенвальде. На высокой горе, над долиной, где уютно расположились Веймар, стоит памятник. Гранитные плиты с названиями стран, сынов которых замучили в этом лагере, над пилонами — башня. И беспрерывно на этой башне бьет колокол, что люди никогда не забывали о том, что здесь произошло...

Недавно проводился международный конкурс на проект памятника в Освенциме. Полностью восстановлена Лидиче, сровненная с землей гитлеровцами. У нас в Советском Союзе воздвигнут памятник в Луганске, в противотанковом рву, где были расстреляны сотни невинных людей, есть памятник жертвам фашизма в Нисловодесте...

И стою над пустынным, залитым водой Бабьим Яром, я вспоминаю, что и здесь предлагалось воздвигнуть памятник. Был даже проект этого памятника работы известного архитектора А. В. Власова — строгий, простой, в виде призмы. Над эскизами рисовали, посвященной трагедии Бабьего Яра, работал художник В. Орчинников. Где сейчас эти проекты? Почему о них забыли? Сейчас в архитектурном управлении города Киева мне сообщили, что Бабий Яр предлагается «залить» (вот откуда вода!), иными словами, засыпать, сровнять, а на его месте сделать сад, соорудить стадион... Возможно ли это? Кому это могло прийти в голову — засыпать овраг глубиной в 30 метров и на месте величайшей трагедии развить и играть в футбол? Нет, этого допустить нельзя!

Когда человек умирает, его хоронят, а на могиле его ставят памятник. Неужели же этой дани уважения не заслужили 195 тысяч киевлян, зверски расстрелянных в Бабьем Яру, на Сырце, в Дарнице, в Кирпильской больнице, в лагере, на Лукьяновском кладбище?

духовным паицом, который ей выдают далеко не щедрые областные, республиканские и союзные организации культуры. Выгугает даже такое убеждение: «Ну что вы хотите: Кузнецк — не Москва, не Ленинград... Хорошо, — не хитрите, это так...» Дня делься, как же можно бесстрастно взирать на то, что духовную потребность кузнецан не измерят безменом и аршином, ставшими давно экспонатами коллекции палаты Мясникова.

— Когда мы делаем машины, нам не дают скидки на периферию. И правильно! Машина — будь она выпущена в Москве или Кузнецке — должна отвечать высокому уровню техники в стране. А вот культуру нам отпускат по районному масштабу — дескать, для Кузнецка все сойдет... Обидно это.

Очень обидно и несправедливо. Вот тут бы и развернулся клубам, парку, библиотекам — всем, кто имеет отношение к воспитанию, и культуре. Сколько же интересного, всеого, увлекательного, — главное — полезного можно придумать, организовать. Вот где простор для инициативы, проявления таланта.

Я не хочу, подобно моему неудачливому знакомцу в поезде, огулять культуру, достойный ласкового внимания. Но если бы товарищи из Кузнецка более внимательно присмотрелись к тому, как отдыхает молодежь в какое время дня больше всего пьяных на улицах, в какое время совершаются хулиганские проступки, они, несомненно, пришли бы к такому выводу: все непристойное в городе совершается в то самое время, когда руководители производства уже не контролируют свои коллективы и когда ими должны заниматься учреждения культуры. Ведь это факт, что после трудовой вахты жители города некуда деваться, что ни в парке, ни в клубах они для себя не находят дела по душе.

Предчувствую возражения: у культурников, дескать, очень низкие ставки и потому на эту тему люди, знающие дело и уважающие себя, не идут. Есть в этом доля справедливости. Но неужели среди интеллигентных людей Кузнецка не найдутся такие, которые еще до того, как упрямчат систему оплаты работников культур учреждений, возьмется за дело с горячим

Ростислав ИЮЛСКИЙ, специальный корреспондент «Литературной газеты» КУЗНЕЦК Пензенской области

ЧЕРЕЗ УЗЕНЬКУЮ КАЛИТКУ

ТАК, значит, до Кузнецка? — проведник еще раз осмотрел билет и упрятал его в карман большого брезентового кошелька. Мой спутник — мужчина баскетбольного роста с глазами, в которых не прочь ни мысли, ни чувства, спросил, едва проводник вышел из купе: — В командировку? Созвучную, Ужасная дыра этот Кузнецк. Грязь, пыль, тоска. Я там жил с подполдья в эвакуации... Единственная достопримечательность — сапожники. Могут сделать приличные штиблеты.

Не люблю так: купил город, в тридцать минут тебя приютивший. — слышно. Но заступится за Кузнецк, за маленький город Пензенской области, я не мог, — мне еще только предстояло знакомство с ним. Теперь же, когда оно состоялось, очень хочется посоветовать тем, кто судит о наших городах, основываясь на впечатлениях двадцатилетней давности, лучше помолчать, — можно крепко оскандалиться, и тогда уже ссылки на давность не помогут.

Город, некогда славившийся кузнецкими да кустарными сапожниками, ютившийся в кривых переулках — на Лагушевке, Нагишовке, Отравазовке, этот город стал играть заметную роль не только в экономике области, но и в республике. Отсюда в разные концы страны идут десятки новейших образцов машин. Марку кузнецких заводов хорошо знают и за рубежами Родины.

ЧЕЛОВЕК, создающий новое, вправе гордиться тем, что уже им сделано. Это не бесцельное любование, свойственное людям тщеславным и ограниченным, а взгляд назад лишь для того, чтобы вернее идти вперед. И, видимо, поэтому секретарь

горкома партии Виктор Иванович Ерузов с увеличением количества настоящих романтиков говорил мне, что в Кузнецке за минувшие полугодию рабочие, инженеры, техники внесли более тысячи разлусот рационализаторских предложений, что около тысячи из них уже реализованы и дали миллионы рублей экономии. Он говорил об этом, как о своем детище. Он говорил об этом, как о своем детище. Он говорил об этом, как о своем детище.

Директор чудесного по внешнему виду парка культуры и отдыха И. Лисичных, в недавнем прошлом работник сберкассы и артил пиццерии, считает, например, своим главным достижением постройку помещения... для бухгалтерии.

— А еще, — заявил он, — мы строим... нарусель. Убежден, что 99 процентов кузнецан будут ежедневно кататься на карусели.

Можно, конечно, воспринять эти слова юмористически. Но не до юмора, когда знаешь, что твой духовная пища приготавливается столь бесталанным кулинаром от культуры. Лисичных глубоко убежден, что жителям Кузнецка нужны лишь выгнанные ансамбли да легкие астральные представления. «Ничего другого кузнецане не признают». Это даже нельзя назвать клеветой: клеветник — злое, сознательное злое действие существо. Лисичных же — просто невежда. Когда ему говорят, что гастролировавший в прошлом году в Кузнецке Воронежский симфонический оркестр пользовался огромным успехом, что на концерты струнного квартета Пензенской филармонии нельзя было достать билета, что в народном университете на лекциях по проблемам искусства не бывает свободного места, он разводит руками: «Это все ерунда... я на такие концерты не хожу...» Вот был у нас куплетист Николай Сизов — так вот давал...

Возможно, не стоило бы уделять Лисичным столько внимания, если бы не одно обстоятельство: уровень работы парка — это уровень работы почти всех культуртрейдерских городов.

Директор железнодорожного клуба — самого крупного в Кузнецке — Федор Петрович Мясников откровенно признался:

ВЫБОРЫ В АНГЛИИ

НА АНГЛИЙСКИХ выборах, состоявшихся 8 октября, значительным большинством победила консервативная партия лейбористов Гейтскелла. Это совершенно ясно, что консервативная партия сохраняет большинство в палате общин.

Победа консервативной партии не вызвала сомнений и до выборов. Прогнозы были почти единодушными. В Англии на выборах играют так же, как на скачках. Пользуясь терминологией букмекеров, накануне выборов соотношение сил выглядело так: 5 против 2, что выигрывают консервативы, и 7 против 4, что лейбористы не победят...

Что сыграло решающую роль? Англичане устали от долгих лет ядерной угрозы, нависшей, как дамоклов меч, над Британскими островами. Мир или война — вот что больше всего волнует английского народ. Консервативы учли эти настроения. Они утверждали, что им принадлежит инициатива в очищении международной атмосферы.

Сильнейшим козырем консервативной партии был визит премьер-министра Гарольда Макмиллана и министра иностранных дел Селвина Ллойда в Советский Союз в феврале — марте этого года, переговоры с советскими руководителями. Как остроумно заметил один американский журналист, в наши дни путь к победе на выборах в капиталистических странах Запада лежит через Москву. Что это, как не признание растущей роли Советского Союза в международных делах?

В Англии понимают: будущее во многом зависит от того, удастся ли установить дружеские связи с Советским Союзом. Это лучше может сделать Макмиллан, именно он должен представлять Англию на совещаниях в верхах. Ведь именно он проложил дорогу к миру своей поездкой в Москву, — говорили консервативы. Самое резкое высказывание на этот счет принадлежало фельдмаршалу Монтгомери. В полемическом нуду предвыборной борьбы он объявлял: тех, кто голосует за лейбористов, следовало бы запереть в лезбию для душевнобольных. Тот, кто хочет заменить членом правительства в момент, когда стало возможным разрешение международных проблем, это настоящий душевнобольной человек, ум которого помутнел...

Вопросы внутренней политики на выборах имели значительно меньшее значение. Следует отметить, что и здесь у лейбористов не было программы, существенно отличной от программы их основных противников. Единственная партия, последовательно выступавшая в вопросах мира и во внутренних проблемах страны, — это коммунистическая партия. Но, как

О. ПРУДКОВ

Надо сказать, что во внешнеполитической программе консервативной партии было немало уязвимых мест. Бессспорно, поехав в Москву, поддержав идею обмена визитами на высшем уровне между США и СССР, Макмиллан сделал шаг в сторону от «холодной войны». Но все же консервативы всерьез не говорили о необходимости перемен в подходе к разрешению германского вопроса, о сокращении бремени вооружений и т. д. Не было в предвыборных выступлениях консервативных лидеров ясного отношения к советским предложениям о полном и всеобщем разоружении, не было обязательств возобновить испытание ядерного оружия. В то же время консервативы решительно поддержали НАТО.

Что противопоставили всему этому лейбористы? По существу, ничего или, во всяком случае, очень мало. Они как бы плелись в хвосте событий. Лейбористские лидеры — Гейтскелл и Бивен — побывали в Советском Союзе после Макмиллана. Некоторые пункты лейбористской программы были сформулированы более конкретно, чем у консервативов, но это мало меняло дело. Подобно консервативам, лейбористы выступали за Северо-атлантический блок, обходили молчаливо вопрос о мирном договоре с Германией. Справедливо отмечала газета «Таймс», что «мало различия было между партиями по большинству вопросов, по которым, как они громко заявляли, между ними существуют разногласия». Лейбористы не смогли доказать, что они сумеют лучше представлять Англию на важных международных переговорах. И избиратели решили действовать согласно английской пословице: «Не меняй лошадей во время перемены через реку».

Была низкая облачность, и похоже было, что к вечеру соберется дождь, а дождя все давно ждали.

Пока Вероника Лейк, облаченная в пижаму и уронив золотой локоп на один глаз, сидела на кровати, а мужчина старался сбросить свое доброе уязвимое тело и ребята восторженно вопили, — десять немецких бомбардировщиков-истребителей прорвались через побережье. Наблюдатели засекли их. Сигналы поднялись в воздух. Заговорили зенитки, и два налетчика были сбиты. Третий врезался в холм. Тогда началась дикая, ожесточенная погоня в густых облаках. Налетчики рыскали в облаке. Налетчик рассеялся и взял курс на Лондон, внизу завывали сирены, и пришла в действие вся чудовищная система оповещения и противовоздушной обороны.

Только одному налетчику, ныряя и изворачиваясь, удалось прорваться сквозь заслоны. Он выскочил из облака, и прямо под ним оказался кинотеатр. Он сбросил бомбы, пролетая очень низко. Крыша театра взлетела в воздух и рухнула грудой обломков. Экран потух. Налетчик сделал вырыв, облетел кино и с другой стороны разрядил в развалины все свои пушки. Потом взымал в серое облако и поспешил скрыться в сторону побережья. А за собой он оставил стоны раненых и переугнанных детей.

Система самозащиты в таких случаях работает четко. Через несколько минут уже приступили к делу спасательные команды; прибыли и пожарные. Спасатели хорошо обучены. Они прорвались в искромсанное, подорванное здание. Пострадавших детей стали выносить и отправлять в госпиталь: контуженных, раненых, изувеченных. Мертвых складывали отдельно для похорон, но те, кто еще дышал, дергался, всхлипывал, — тех тут же передавали прибывшим врачам.

Операции шли всю ночь. Извлекали пули и осколки, отрезали руки и ноги и складывали их в сторону. Удаляли глаза. Анастезирующие средства мягко и осторожно утоляли боль, по каплям отменяя сон на марлевых масках. И всю ночь поток искалеченных струился к госпиталю. Врачи работали искусно и спорно. Быстрые диагнозы: безнадёжно — облегчить страдания. У этого есть шансы при ампутации обеих ног. Диагнозы и быстрая работа.

Из аптечного склада прибывает кровь, и жизненная сила допорков вливается в артерии этих детей.

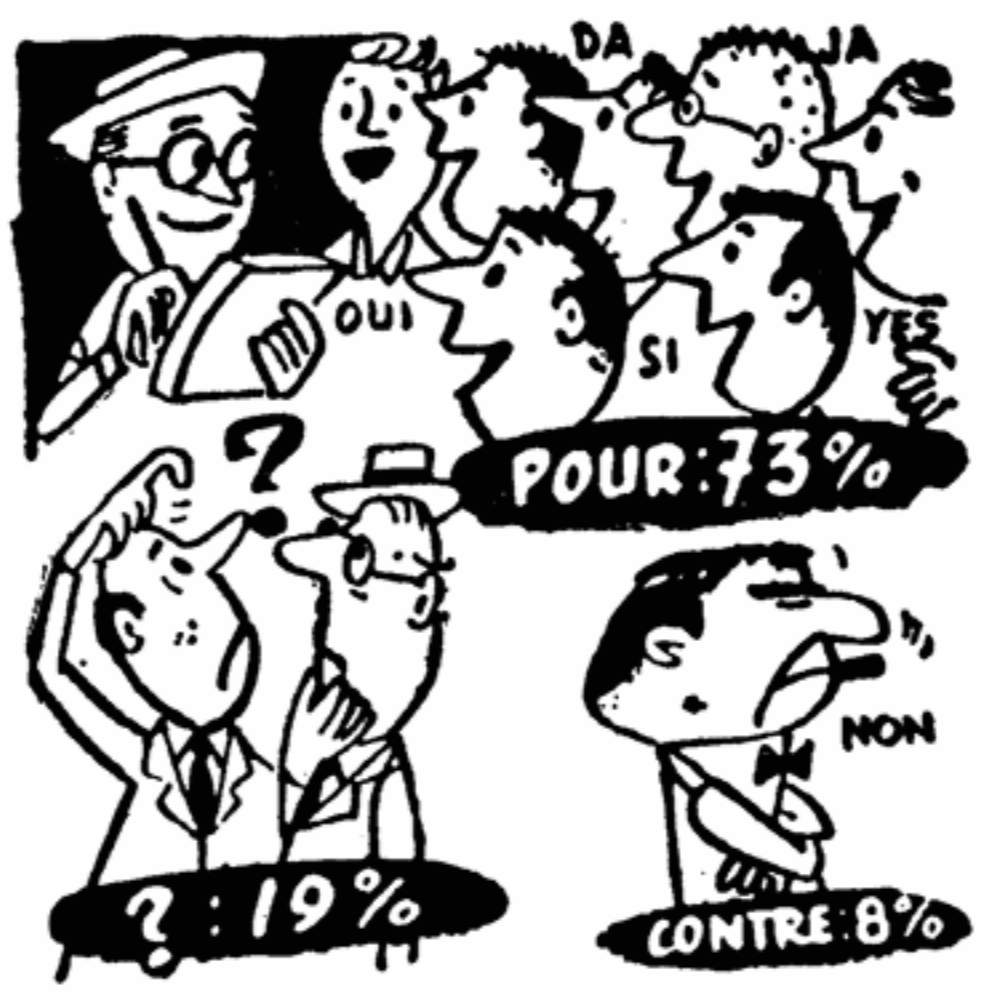
Только и девять утра закончилась операция. Но в здании кинотеатра усталые спасатели все еще откапывали

всегда, ей пришлось вести борьбу в трудных и сложных условиях, она не располагала средствами, орган компартии «Дейли уоркер» выходит сравнительно небольшим тиражом, телевидение было закрыто для коммунистов.

...Итак, прогнозы оправдались. Те, кто, заключая пари, ставил на консервативов, получают свои деньги. Но как будут развиваться события дальше? Удастся ли сохранить мир и покой?

Все условия для этого налицо. Лед «холодной войны» после визита Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты основательно подтаял. В своей последней предвыборной речи Макмиллан просил мандат для ведения переговоров в верхах от имени всей Англии. Он получил этот мандат. Время покажет, разовьются ли в дальнейшем благоприятные тенденции, наметившиеся в английской политике, приведет ли это к тем существенным переменам, которых ждет английский народ.

«ДА» НА ВСЕХ ЯЗЫКАХ

«План вечного мира» — так простые люди разных стран называют предложение о всеобщем и полном разоружении, внесенное Н. С. Хрущевым в Организацию Объединенных Наций. «Как только

план мира стал известен, он встретил широчайший отклик среди простых людей, — сообщает орган французских профсоюзов еженедельник «Ви уриер». — Эти настроения общественности нашли конкретное выражение в результате международного опроса, проведенного в четырнадцати странах».

В ходе опроса, проведенного Институтом Галлупа, жителям разных стран задавался один и тот же вопрос: «Одобряете ли вы визит господина Хрущева в Соединенные Штаты?». Полученные ответы показывают, что подавляющее большинство опрошенных приветствует этот визит, действительно направленный на разрядку международной напряженности. При этом надо учесть, что в капиталистических странах всегда существовала значительная прослойка людей, которые не следят за международными событиями и читают газеты от случая к случаю. В этих условиях данные, опубликованные Институтом Галлупа, весьма значительны: во всем мире 73 процента опрошенных одобряют визит главы Советского правительства в Соединенные Штаты.

Рядом с этой цифрой французский художник нарисовал лица радости улыбающихся людей (см. рисунок). На всех языках мира они говорят «ДА» открывающимся светлым перспективам. Художник тут же изобразил и обывателей — тех, кто, «к сожалению, не в курсе дела». Таких Институт Галлупа насчитал 19 процентов. А сторонники «холодной войны» или же людей, введенных в заблуждение недобросовестной пропагандой, нашлось совсем мало: только 8 процентов опрошенных недовольны поездкой советского премьера в Америку.

А в отдельных странах, по тем же данным, за визит высказались еще больше людей: в Канаде и Италии — 78 процентов, в Финляндии — 77, в Великобритании — 76, во Франции — 74, в Западном Берлине — 84 процента!

«Трудящиеся смело поддержат тех, кто прокладывает дорогу к тому, чтобы война и голод никогда больше не становились уделом человека», — заключает «Ви уриер».

Рисунок из французского еженедельника «Ви уриер»

Когда-то была война...

СЕАНС КИНО

Лондон, 18 июля 1943. — Последнее время английского неяркого лета в одном из бесчисленных округов Лондона. Заполненный зал кинотеатра. Здесь и солдаты из команд выдвигавшихся после ранения. И женщины, отпущенные на несколько часов с дежурства. Домашние хозяйки, завернувшие посмотреть картину после окончания по лавам, и работницы, только что отбывшие дневную смену. А передние ряды забыты детворой, которая теснится как можно ближе к экрану.

Это был самый обычный киносеанс. Зал полон, но не набит. На специально очищенных местах — раненые в креслах-катажалках, отпущенные из госпиталя. Показывали «Я женился на ведьме» с Вероникой Лейк в заглавной роли. Фантастическая комедия, по ходу которой одна из Салемских колдунь перенесена из старой пуританской Новой Англии в наше время и становится героиней самой шаблонной альковной комедии. Картина и не плохая, и не хорошая. Ребята она нравилась, и они верили всему, что в ней происходило, потому что они верят всякой кинокартине.

Была низкая облачность, и похоже было, что к вечеру соберется дождь, а дождя все давно ждали.

Пока Вероника Лейк, облаченная в пижаму и уронив золотой локоп на один глаз, сидела на кровати, а мужчина старался сбросить свое доброе уязвимое тело и ребята восторженно вопили, — десять немецких бомбардировщиков-истребителей прорвались через побережье. Наблюдатели засекли их. Сигналы поднялись в воздух. Заговорили зенитки, и два налетчика были сбиты. Третий врезался в холм. Тогда началась дикая, ожесточенная погоня в густых облаках. Налетчики рыскали в облаке. Налетчик рассеялся и взял курс на Лондон, внизу завывали сирены, и пришла в действие вся чудовищная система оповещения и противовоздушной обороны.

Только одному налетчику, ныряя и изворачиваясь, удалось прорваться сквозь заслоны. Он выскочил из облака, и прямо под ним оказался кинотеатр. Он сбросил бомбы, пролетая очень низко. Крыша театра взлетела в воздух и рухнула грудой обломков. Экран потух. Налетчик сделал вырыв, облетел кино и с другой стороны разрядил в развалины все свои пушки. Потом взымал в серое облако и поспешил скрыться в сторону побережья. А за собой он оставил стоны раненых и переугнанных детей.

Система самозащиты в таких случаях работает четко. Через несколько минут уже приступили к делу спасательные команды; прибыли и пожарные. Спасатели хорошо обучены. Они прорвались в искромсанное, подорванное здание. Пострадавших детей стали выносить и отправлять в госпиталь: контуженных, раненых, изувеченных. Мертвых складывали отдельно для похорон, но те, кто еще дышал, дергался, всхлипывал, — тех тут же передавали прибывшим врачам.

Операции шли всю ночь. Извлекали пули и осколки, отрезали руки и ноги и складывали их в сторону. Удаляли глаза. Анастезирующие средства мягко и осторожно утоляли боль, по каплям отменяя сон на марлевых масках. И всю ночь поток искалеченных струился к госпиталю. Врачи работали искусно и спорно. Быстрые диагнозы: безнадёжно — облегчить страдания. У этого есть шансы при ампутации обеих ног. Диагнозы и быстрая работа.

Из аптечного склада прибывает кровь, и жизненная сила допорков вливается в артерии этих детей.

Только и девять утра закончилась операция. Но в здании кинотеатра усталые спасатели все еще откапывали

«Мы забываем, что такое война, иначе мы никогда не позволили бы себе вновь это кровопролитное сумасбродство», — так начинает предисловие и сборнику своих записок военных лет известный американский писатель Джон Стейнбек. Недавно этот сборник вышел в США и был встречен с большим интересом. «Стейнбек интересен не столько и генералы, и солдаты», — пишет в его книге американская газета «Чикаго Санди трибюн». Сборник Джона Стейнбека сочувствует нашему времени. Он выражает протест писателя против войны, который так близок и приятен многим тысячам его читателей. Сегодня мы публикуем фрагменты из сборника «Когда-то была война».

новые тела. А на госпитальных койках — широкие белые повязки и широко раскрытые невзрачные глаза, и еле теплая жизнь — маленькие мишени, семилетние жертвы войны.

Уже выкопана большая, длинная братская могила. Вероника Лейк, всталих, сторега вместе с пленкой, и осталась только закопченные катушки. А в домах только сейчас, к утру, люди настолько опомнились, что могут поплакать. На улицах очень тихо.

У стойки бара варит берет стакан виски перед тем, как идти к себе спать. Вокруг глаз его темные круги горя, и рука дрожит, когда он поднимает стакан к губам.

ДОМОЙ

Где-то в Северной Африке, 1 сентября 1943. — Слиго и парнишка не очень-то обрадовались увольнительной на срок восемь часов. В Алжире бары закрывают в восемь вечера, но они к этому времени уже изрядно выпили и, захватив еще бутылку, расположились на отместки. Вечер был теплый, и, распив бутылку, они скинули пальто, влезли в спокойную воду и уехали, потрусившись по самую шею.

— А ведь ничего, подходяще, — сказал Слиго. — Другие за это платят уйма денег, а мы пользуемся задаром.

— А по мне, лучше нет. Десятого авеню, — сказал парнишка. — Нет места лучше на свете. И старушку повидать охота. И розыгрыш Большого Кубка.

— А по рожке хочешь? — сказал Слиго.

— Пошел бы я в прическое кафе и взял бы двойную порцию солодового шоколада с шестью желтками, — сказал парнишка, выныривая, что рубль не залпелся ему в рот. — Тут что? — пустыня. То ли дело Юни-Айленд.

— Слишком там тесно.

— А тут слишком пусто.

— А на Большой Кубок мне самому бы хотелось, — сказал Слиго. — Вот как вспомню о таком, тут и тянет домой.

— Ну, положим, ты бы смылся, куда тебе деться? Некуда.

— Домой, — сказал Слиго. — И на Кубке буду в первом ряду, как в сороковом.

— Не доберешься ты домой. Как туда доберешься?

Вино разогрело Слиго, и в воде ему было хорошо.

— А хочешь пари, что доберешься? — сказал он так, словно между прочим.

— Ну и на сколько?

— На двадцать кругляков.

— Не доберешься, — сказал парнишка.

— Так как же? Идет?

— Ладно. А когда отдашь?

— Не я отдам, ты заплатишь. А понудува пойдём на песок, сонемся малость...

У причалов стояли транспортные суда. Они выгружали снаряжение и танки, и войска, а теперь грузили весь тот железный лом североафриканских полей сражения, который следовало доставить в переплавку на новые танки и оружие. Среди на ящиках с продовольствием, Слиго и парнишка наблюдали за погрузкой. И причалу прошло под козырем человек сто итальянских пленников, которых отправляли в Нью-Йорк. Большинство было в обносках своей

Джон СТЕЙНБЕК

Джон Стейнбек

оружия у каждого старомодный револьвер и длинный, тонкий, зловещего вида кинжал. Командовали ими человек с наруганной усталой и раздражительной канцелярской кривой, которому, казалось, больше всего хочется вернуться к своему надежному креслу в какой-нибудь страшной конторе, где ему обеспечена хорошая пенсия.

Патеро этих чудил, шаркая, поднялся на борт и сейчас же спустился в кубрик выпить по чашке чая с галетой, по вкусу напиманной пресловутой рыбу. Они поморили сидели в крохотном помещении, задумчиво прихлебывая чай и почесывая искусственные москиты бурстистые колени.

С наступлением темноты катер выскользнул из гавани и направился к острову. Яркое светила луна, и двигаться надо было осторожно. Но предполагалось, что действовать будет легче именно при таком рассеянном свете. Моторы были приглушены, и маленькое мощное суденышко спокойно скользило по гладкому, освещенному лунной морю.

На борту надули и приготовили к спуску резиновую лодку для десантников. Прислула спокойно расположилась у орудий. Незадолго до полуночи подошли к цели, и ясно виден был черный силуэт острова. «Командос», сплывавшая, выбрались из кубрика и собрались возле лодки. Командир катера сказал: «Значит, приказ таков: перерезать провода, по возможности уничтожить охрану и доставить на борт адмирала и его жену. Сколько, по-вашему, на это потребуется времени?»

Начальник десантников, раздумывая, похлопал себя пальцами по губам.

— Вернемся, должно быть, через час, — наконец, сказал он.

— Через час? Почему так долго? Если вы будете так копаться, едва ли вам удастся что-нибудь сделать!

— Ну, с охраной и с проводами мы быстро справимся, — успокоил его десантник.

— Так в чем же дело? — изумился капитан.

— Да адмиральской жене, ведь ей надо упаковаться, — сказал начальник «командосов». — Она ведь не предусмотрена. У нее ничего не уложено.

С этими словами они спустили лодку и, бесшумно греби, отвалили к острову. Цельный час катер дрейфовал, озаряемый лунно. Команда зорко наблюдала за темным островом, но ничего не произошло. Ни выстрелов, ни вспышек в затемненных строениях. Все тихо и мертво в серебристой дымке лунного сияния.

За десять минут до истечения срока капитан стал ежeminутно поглядывать на часы и бортомат себе под нос, что так неумудрено нарваться на вражеские патрульные суда и из-за каких-то пустяков загубить катер. И хоть какой-нибудь знак, что он идет не зря.

За пять минут до срока на поверхности моря появилось пятно, и так как на море все таит в себе опасность, наводчики взяли его на прицел в ожидании, что оно чем-то проявит себя. Через мгновение стало ясно, что это надувшая лодка. Она мягко ткнулась в борт катера, и на палубу первой поднялась маленькая стройная женщина, а за ней — спокойный статный адмирал в пыльном пальто с галунами, хотя ночь была теплая. Они сейчас же спустились вниз, но начальник «командосов» сказал:

— Берт, а ты обратно со мной. — Трое из его людей взобрались на борт, а надувшая лодка снова отвалила и направилась к острову.

Трое вернувшихся влол переменились на палубе. Капитан, наконец, потерял терпение:

— Выполнили задание? — спросил он.

— Да, сэр, только их там было не семь, а восемь.

— В плен не брали?

— Нет, сэр.

Глаза капитана невольно скользнули по длинному тонкому ношу на поясе «командосов», и тот нервно, как бы оправдываясь, тронул пальцами стальную рукоятку.

— А зачем они вернулись?

— Сундук адмиральши, сэр. Не могли погрузить его в лодку. Не хватило бы места для всех. Они вернулись за сундуком. Большой сундук. Такой, знаете, старый, с горбатой крышкой.

Капитан, упершись кулаками в ящики, разглядывал маленького человека.

— Сэр... — Начал было тот.

— Ну, а что? Хотелось бы угостить пивом, да нет его.

Он тихо окликнул кого-то в кубрике: — Дюэль, а Дюэль, вскипяти воды. И пять порций чаю, мигмо!

Перевел Иван КАШКИН

НОВЫЙ ШАГ В КОСМОС

ЗА ПОСЛЕДНЕЕ время я не раз ходил по пражским магазинам и хотел купить карту или фотографию Луны. Я не был ни первым, ни последним из тех, кому это пришлось в голову. Всюду мне ждал один и тот же ответ: «Все распродано». К счастью, карту и фотографию Луны недавно опубликовали почти все наши газеты. Наверное, не только наши, но и газеты других стран. Было бы интересно знать, сколько миллионов людей на земном шаре вновь склоняется в эти дни над газетными столбцами, сообщающими о новой странице в истории Луны, в истории человечества.

Я вспоминаю, как мы с Юлиусом Фучником сравнивали фантазии Жюль

Верна с действительностью в пору, когда мир был ошеломлен героизмом чешкословаков и когда капиталисты признавали ценными лишь те открытия или изобретения, которые служили целям войны и эксплуатации. Советский народ уже тогда показал нам, что люди будущего мира, люди коммунизма — это герои самых смелых фантазий: действительного завоевания природы на благо всего человечества. Уже тогда тысячи поразительных изобретений советских инженеров и рабочих указывали путь будущей науки и техники.

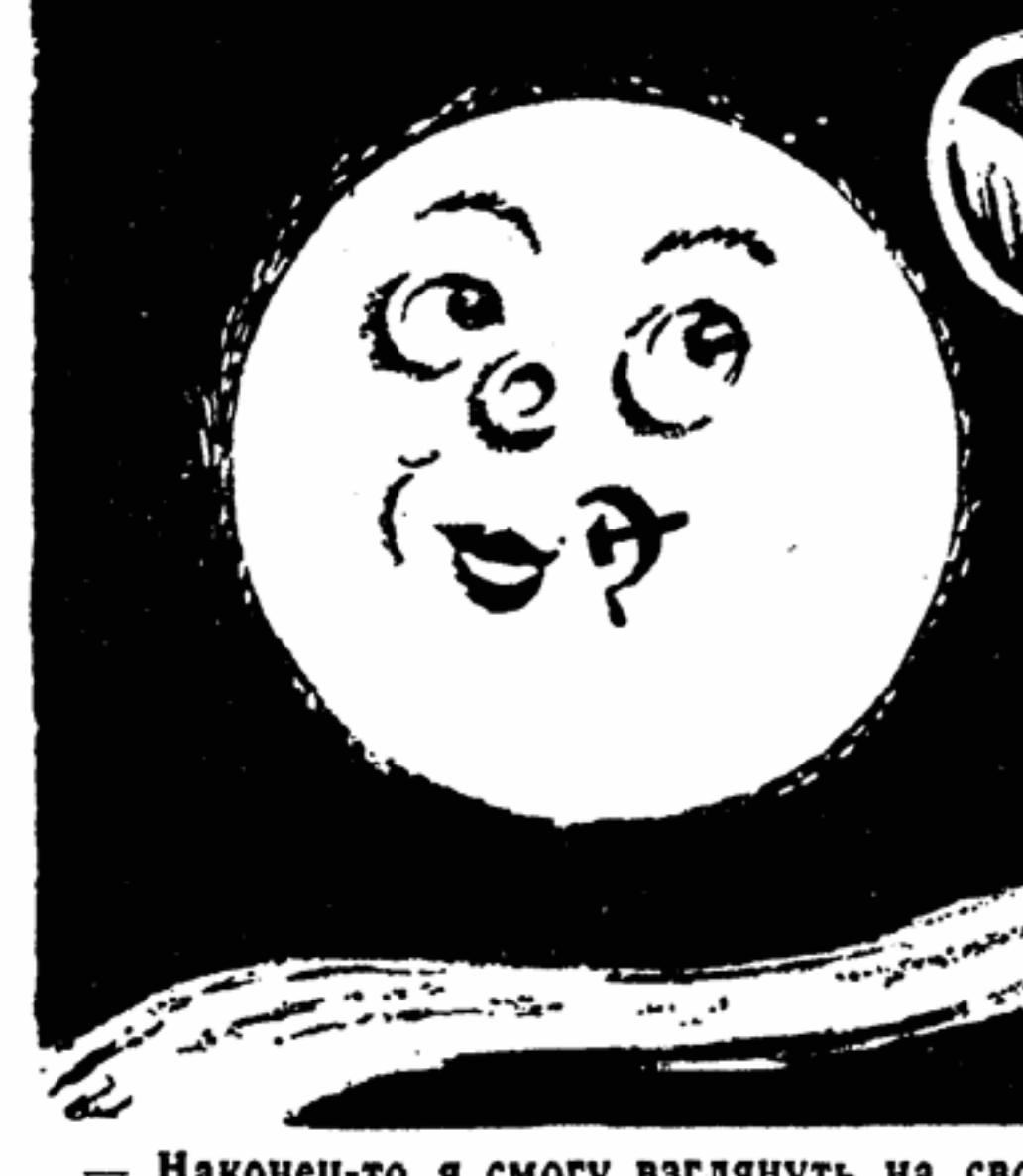
Это было двадцать пять лет назад. Ныне советская наука, советская мирная политика, политика славной Коммунистической партии Советского Союза торжественно перед лицом всего человечества.

Люди старого мира и старого образа мысли с завистью и злобой присматриваются к тому, как идет развитие событий в мире. Их попытки остановить это развитие обречены на провал. Мир движется к коммунизму. С коммунизмом связан и прочный мир в мире, и развитие культуры, служащей интересам человека.

Людам коммунизма подвластны космические дали!

Иозеф РЫБАК, чехословацкий писатель

ПРАГА, (По телефону)

— Наконец-то я смогу взглянуть на свои затюпки! Рисунок художника ВИДСТРУПА из датской газеты «Ланд оф фолье»

Открыта выставка ГДР

Эта выставка показывает, как за десять лет строится новая жизнь в ГДР. Добились громадных успехов. ГДР занимает первое место в мире по добыче и разрабатке бурого угля (220 миллионов тонн в год); по выпуску продукции химической промышленности на душу населения — второе место в мире; по производству электротехники — второе место среди социалистических стран.

Интересны модели различных самолетов — свидетельство успехов республики в развитии авиации.

Знаменитая цейссовская оптика представлена различными видами кино- и фотоаппаратов, биноклями, микроскопами и астрономическими приборами. Привлекают внимание телевизоры «Кармен-1» и «Фаворит» (последний с прозрачным корпусом), более десяти видов радиоприемников — от большого музыкального «комбанда» до уменьшающейся в кармане «Звездочки» на полупроводниках. Богато представлены и традиционные товары производства немецких умельцев: кружева из Плуазна, игрушки из Торингия, музыкальные инструменты из Саксонии.

Выставку посетили уже тысячи москвичей и гостей столицы.

написано лишь одно слово «Неуместно». Ни печати, ни подписи, но это — смертный приговор направленному в цензуру сочинению.

Возникает вопрос, почему испанская государственная цензура действует с такой коварной осторожностью, никогда не обосновывая своего решения и даже не упоминая названия книги, а только лишь указывая (на другом листке) дату получения ею рукописи.

Ответ на это дает «Документ о положении писателей, подчиненных цензуре в Каталонии и в Испании»,

составленный недавно каталонским центром Пен-Клуба. «Одной из главных причин такой таинственности, — читаем мы в докладе, — служит стремление не оставлять никаких документов и никаких следов явного действия цензуры, которые позднее могли бы быть использованы против нее оппозицией или иностранными кругами. Ничто так не страшит испанскую цензуру и испанский режим в целом, как международная огласка. Отсюда постоянные призывы SOS, адресованные демократическими ис-

панскими и каталонскими писателями своим зарубежным друзьям, с просьбой распространять правду об истинном положении вещей».

А истинное положение таково, что вызывает глубокое возмущение. Шпатель цензуры проникнул всюду, начиная от творческой лаборатории писателя и кончая книжной витриной, ибо выставка книг подчинена специальным приказам, предусматривающим, какие книги могут быть расположены на витрине, какие только внутри магазина и какие не могут выставляться вовсе».

Но самое главное заключается, разумеется, в том, что «белая метка» цензуры отнимает у писателей всякую свободу творчества. «Государственная цензура, — говорится в докладе, — подавляет дух и сознание писателя, не дает ему свободно выражать свои мысли и души его творческие способности».

Часто цензура, не запрещая произведения целиком, требует значительных правок и купюр. Так, одна книга, представленная барселонским издателем, была доведена до 13 страниц. «Полное собрание сочинений» Балзака на испанском языке «укорочено» до двух томов.

Если писатель соглашается внести в свое произведение поправки, цензура затем рассматривает книгу еще раз. Так, роман Хоана Салеса «Неясная слава» о гражданской войне в Испании автору пришлось переписывать четыре раза.

Изоороченность испанской цензуры доходит до того, что она иногда разрешает печатание книг... только для экспорта. На обложках таких книг красуется надпись: «Запрещается продажа на всей испанской территории».

Такому же жестокому контролю подвергается и периодическая печать. В результате читатели утрачивают всякий интерес к

газетам. Общий тираж семи мадридских еженедельных газет достигает всего лишь 250 тысяч экземпляров. Число читателей за годы франкистского режима сократилось на 60 процентов.

Мрачная картина нарисована в докладе каталонских писателей. Этот документ проникнут гневом. Он свидетельствует о том, что нарастающая волна протеста против мракобесия во франкистском королевстве.

Мы не прошлым живем, Мы не вернем колеса воспоминаний, Мы — свежий и чистый кипищий поток.

Так пишет испанский поэт Г. Селайя. Может быть, не все в этих строках названо своими именами, но испанский читатель знает, против чего они направлены и что защищают. Свежий и чистый кипищий поток прокладывает себе дорогу к свободе, к свету, к людям, к друзьям испанского народа во всем мире.

Н. РАЗГОВОРОВ